

ПРОШЛОЕ КАК ПРОБЛЕМА: теории

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ СОБЫТИЯ

Пантин Игорь Константинович – д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, политический директор журнала «Полис»

Предлагаемая статья возвращает читателя ко времени, отделенному от нас почти на столетие, а если принять во внимание

идейные истоки Русской революции, то и гораздо больше. Нынешнему поколению россиян события революции и ее исход кажутся настолько далекими, не относящимися к современности, что о них можно судить по легендам, мифам и мемуарам участников. Впрочем, не всем. Кое-кому она представляется и сегодня все еще близкой: об этом свидетельствуют проклятия в адрес революции одних и славословие других. Разумеется, Русская революция принадлежит истории, и исследованием ее генезиса должны заниматься историки, социологи, философы. И все же не следует забывать, что все постреволюционное развитие России (СССР) оказалось в практической и идеологической зависимости от Октябрьской революции 1917 г. и победы большевиков в ней. А ведь это почти весь XX век. Сегодня, после двадцати лет перестроечного развития мы все еще до конца не ушли от себя советских, не превратили то, что *было*, в свое *прошлое*. И это не случайно – познать себя нынешних невозможно, не познав и, главное, не преодолев в сознании свое *начало*. Мало предавать анафеме «коммунистический режим» и его пережитки в сознании людей, в политической жизни, в экономике. Надо еще уметь его *преодолевать* (в гегелевском смысле), осознав поставленные этим режимом, но не решенные им проблемы, вырабатывая другие, более эффективные, способы их решения. «Русский коммунизм» – отнюдь не идеологическая фикция, прикрывавшая совсем другую реальность или только отчасти отражавшая ее. Нет. В тоталитарной практике сошлись, как в фокусе, ряд свойств народа России, приобретенных им и в революции, и еще более до нее – отношение к собственности, к труду, к власти, к политике, к себе самим, наконец. В этом смысле понять причины торжества «русского коммунизма», его переход от теории к практике – через Октябрьский перелом, – означает приблизиться к более глубокому осознанию противоречий российской истории, русского народного характера и того, как они сказались в ходе революции и последующего «строительства социализма».

Каждый крупный исторический поворот в развитии общества *проблематизирует* наше знание о прошлом. Не зачеркивает, не опровергает, а именно проблематизирует, т. е. открывает в понимании прошлого новую ретроспективу, высвечивает в изу-

чении прошлого не оцененные ранее констелляции фактов, наконец, бросает новый свет на уже известные события. И, главное, порождает новые, порой очень трудные вопросы, обращенные к истории. В наше время происходит встреча двух веков: нынешнего, XX, и минувшего, XXI, встреча потомков с предками, тех, кто ищет сегодня современные решения, учитывающие достижения науки и политического опыта, и тех, кто искал их вчера, надеясь через революцию и социализм спасти Россию и мир. Мы знаем сегодня, что Октябрьская революция – финал Русской – стремилась к невозможному: не закрепив добытую свободу в правовом строе, она порывалась осуществить вселенское социальное освобождение, перейти прямо из пролога исторической драмы к ее заключительному акту. Разумеется, она смогла достичь лишь *осуществимого*. «Жизнь осуществляет только ту сторону мысли, которая находит себе почву», – писал А. И. Герцен. – «...Новое, возникающее из борьбы утопий и консерватизма, входит в жизнь не так, как его ожидала та или другая сторона; оно является переработанным, иным...»¹.

Возможен ли равноправный диалог между теми, кто жил несбыточными надеждами на мировую революцию, кто надеялся с ее помощью совместить свободу для всех с социальным равенством и справедливостью, и нами, их наследниками, кто знает, чем обернулись для нашего народа гражданская война, форсированная «социалистическая индустриализация» страны и «коллективизация деревни», кто помнит о терроре тоталитарной власти против собственного народа и т. п. Несмотря ни на что, автор думает, что такой диалог возможен, хотя и донельзя труден. Но, главное, он необходим, если мы хотим не только знать всю, без изъятия, историю России начала XX в., но и *понимать* ее, превращая тем самым ее в свое прошлое. Правда, для этого нам придется трезво, без эмоций, идеологической предвзятости, моралистического негодования отнестись к собственной истории, научиться осознать удивительную диалектику революционного развития в России, когда радикальные противники государства превратились в защитников государственного насилия, не знающего никаких формальных ограничений, палачи революции – в ее душеприказчиков, освобождаемые ею – в закрепощаемых. И еще – придется научиться различать идеологию революции, то, как осмысливали свою деятельность ее участники, и те реальные практические задачи, которые они решали новым, доселе невиданным способом...

Как обозначено в названии статьи, Русская революция рассматривается в ней с точки зрения политической философии. Иначе говоря, в границах указанного подхода к исследованию задаются и определенный ракурс изучения революции, и состав рассматриваемых проблем, и исходное расчленение предмета анализа.

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. в 30 томах Т. 6, с. 78.

Политическая философия формирует специфическое знание, которое имеет не абстрактно-объективный, а деятельно-субъективный смысл. В определенном смысле она расширяет наш подход к познанию прошлого, поскольку рассматривает историческую реальность не как данность, независимую от воли людей, а каждый раз как бытие, которое определяется духовно-практической деятельностью наличных общественных сил. Именно в политической философии предмет, действительность берется как «человеческая чувственная деятельность, как «практика», т.е. «субъективно» (Маркс). Соответственно, вопрос о рациональности, «предметной истинности» той или иной идеологии, того или иного способа мышления решается не как вопрос теории: оценки взглядов с точки зрения того или иного научного «образца», а с точки зрения воздействия их на политическую практику. Вот почему, какими бы теоретическими или этическими преимуществами ни обладала идеология либеральной демократии, в ситуации 1917 г. она оказалась «предметно неистинной», не способной ориентировать действия миллионов людей. «Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующийся от практики», – еще раз потревожим тень Маркса, – «есть чисто *схоластический* вопрос»².

Имеет ли право на существование такого рода подход к Русской революции? Думается, что имеет. В Русской революции, в ее перипетиях и результатах впервые был доказан деятельностно-практический, альтернативный характер исторического развития как такового, по крайней мере, начиная с эпохи зарождения капитализма, и в особенности при приближении к Современности. Альтернатива – это не то, что объективно существует в истории вне и независимо от деятельности людей. Нет. Альтернатива возникает и навязывает себя как необходимость лишь тогда, когда размежевание общества достигает степени субъективного, выявляющегося в идеях и действиях самоопределения классов и общественных групп. Только тогда *через духовно-практическую деятельность* людей становится решаемым конфликт идеального и материального, «выбор пути» наполняется политическим, а в итоге и историческим содержанием. Благодаря такому подходу к Русской революции появляется возможность выявить и оценить в полном объеме влияние, которое освободительная мысль и шире – передовые идеи оказали, прямо или косвенно, на самосознание революционных сил, а значит, и на характер и форму общественного развития нашей страны.

И последнее из предварительных замечаний. Как отметит внимательный читатель, в статье говорится не о трех русских революциях, как принято в нашей исторической литературе, а о Русской революции в целом. Дело заключается не в том, что автор игнорирует своеобразие этих трех периодов. Просто ему важно выделить и

² Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М., 1958. Политиздат. С. 56.

понять внутреннюю связь в развитии революции, этапами которой явились революция 1905-1907 гг., Февральская революция 1917 г. и, наконец, Октябрьский политический переворот, который позже был назван Октябрьской социалистической революцией. Иными словами, Русская революция рассматривается в статье как единый, хотя и разделенный во времени, процесс разрешения проблем страны, доставшихся от прошлого. Лишь с победой большевиков исчерпал себя комплекс проблем, возникших в середине XIX в. С победой Октябрьской (1917 г.) революции крестьянство под руководством большевиков и левых эсеров нанесло решающее поражение «высшим классам» старой России, связанным прямо или косвенно с остатками крепостничества, с прусско-юнкерским развитием деревни, и одновременно – господству буржуазных групп, которые выражали порой новейшие капиталистические тенденции. Но революции не только решают старые проблемы, они выдвигают новые, не менее острые и драматические. Вот почему то, что происходит после окончания активной фазы борьбы (в России она включала гражданскую войну), непосредственно входит в понимание характера революции.

Разумеется, намеченную программу исследования Русской революции невозможно осуществить в одной статье. Ее формат – ближе к монографии, над которой, кстати, автор в настоящее время работает. В данной же статье мы попытаемся в самых общих чертах обозначить свой подход к проблеме.

* * *

Как всякое крупное историческое событие, Русская революция представляет собой нечто цельное, органически вырастающее из всей совокупности фактов прошлого и будущего. Однако историческое событие, подобное нашей революции, включает в себя огромное число элементов целенаправленного действия, связанного прежде всего со значениями и культурными смыслами данного общества. Эти действия не просто видоизменяют общий закон движения истории – сверх того они обладают новыми возможностями, открывающими целую шкалу вариантов будущего. Историческое событие, таким образом, обладает не только более высоким рангом сложности, который можно учесть, спрогнозировать, определяя для каждой «точки» социального пространства большее количество объективных координат. Особенность возникновения и развития революции в том и заключается, что ряд ее «координат» вообще нельзя определить заранее, «объективно», на основании заранее установленных социологических или экономических закономерностей, вроде отношений «базис – надстройка», «мир – отдельная страна», «необходимость – свобода» и т. п. Конечно, 1861 г. подготовил 1905–1907 гг., а затем и 1917-й. Однако никакого заранее заданного вектора развития, направленного к революционной развязке аграрного вопроса, не существовало. Понадобился целый ряд обстоятельств, которые появи-

лись значительно позже, чтобы этот вопрос стал оселком революционного переворота в России.

Всякая революция, а Русская в особенности, – это напряженная волевая деятельность авангарда и масс, непосредственное вмешательство людей в «силу обстоятельств», в сложившийся «ход вещей», резкая перемена в образе социального бытия народа. В революции люди действуют как «свободные агенты» (Маркс), по необходимости активно и предприимчиво. В раскаленной обстановке политических страстей расчет выгоды, как правило, перестает определять поведение отдельного человека и целых слоев. Людям кажется, что, совершив насилие над собой и над другими, они прорываются в будущее, обретают новый мир. К этому надо прибавить вечный парадокс революций: разрушая старый порядок вещей, они почти никогда не несут с собой ожидаемого ее участниками и, главное, массами эффекта – наступления «царства свободы и благоденствия».

Революционный взрыв нельзя предугадать заранее (в отличие, например, от политического переворота, который готовят). И дело здесь заключается не в ограниченности общественного знания, даже если оно носит научный характер, а в том, что революция, предполагающая активные действия исторических субъектов (отдельных лиц, групп, социальных слоев), не допускает однозначного предвидения и результатов с помощью научных, т. е. абстрагированных от человека методов. Как справедливо подчеркивает Б. Г. Капустин, «...акты свободы не предсказуемы в принципе. Такова их онтологическая «природа», укротить которую не в силах никакая методология познания, даже та, которой обладают «самые передовые», «современные социальные науки»³. Превращение в определенный момент подчиненных, угнетаемых масс в исторических деятелей, в главных героев исторической драмы требует признания особого типа социальной детерминации – «детерминации свободой», «детерминации идеалом». В этом смысле революция идет своими собственными путями, над которыми политический авангард не властен, даже если он возглавил очередной этап развития кризиса. Большевики вовсе не были демиургом процесса, который они развязали, овладев в октябре 1917 г. государственной властью. Более того, такие существенные «детали развития» (Ленин), как Брестский мир, «красный террор», «военный коммунизм», НЭП и т.п., они не предвидели и не могли предвидеть. Мы уже не говорим об установлении тоталитарного режима на рубеже 20-х – 30-х гг. XX в., терроре власти против собственного народа и т.п. Предугадать этот извилистый ход событий, а тем более «вывести» его напрямую из большевистского переворота 1917 г. нельзя, хотя это сплошь и рядом делают. Единственно, о чем можно было сказать с определенностью, так это – о попытке реванша свергнутых

³ Капустин Б. Г. Критика политической философии. Избранные эссе. М., 2010. С. 146–147.

классов (старого «гражданского общества»), оказавшихся неспособными обрести и, главное, удержать политическую гегемонию в стране. Неспособными, потому что осуществить преобразования, в ходе которых множество разрозненных интересов и устремлений (выход из войны, рабочий вопрос, борьба крестьян за землю, национальные движения и пр.) сплавлялись бы в некое единство, можно было только на пути свержения старого буржуазно-помещичьего строя. В этом смысле, пусть на время, большевики стали единственной революционной партией на деле, а большевизм – идеологией выхода из кризиса. Они представляли не только интересы рабочего класса (социалистические, согласно учению марксизма) и угнетенного крестьянства, стремившегося разрушить помещичье землевладение, но и весь революционный процесс России в целом, поскольку – за исключением некоторых национальных окраин, где были сильны движения за местную автономию и даже отделение от России, – аграрный вопрос получил решительный перевес над всеми другими стремлениями.

Вряд ли истоки Русской революции, ее характер и социальные задачи, объективно стоявшие перед ней, можно понять, не обращаясь к историческому контексту, к генезису противоречий, которые, вызревая и накапливаясь, обусловили их радикальное разрешение. Причем разрешение двояким путем: либо реформистским – по нему в начале XX века попытался пойти П. А. Столыпин, либо революционным, завершением которого стал октябрьский политический переворот 1917 г. Ни один из путей не был заранее предопределен. Все зависело от того или иного соотношения политических сил, от объективной ситуации, которая давала перевес одной из этих сил, наконец, в немалой степени от международной обстановки.

Начнем с исторического контекста, с характеристики основных линий социально-политического и экономического развития России. В основу понимания исторической эволюции России, – во всяком случае, XIX–XX вв., – автор кладет концепцию «догоняющего» или «запоздалого» развития, которую он разрабатывал вместе с Е. Г. Плимаком, В. Г. Хоросом и А. И. Володиным, начиная с середины 80-х гг. XX в. в ряде совместных работ.

Идея «догоняющего» или «запоздалого» развития России была сформулирована впервые С. М. Соловьевым в «Публичных чтениях о Петре Великом» (1872 г.) и в комментариях к ним и развита затем В. О. Ключевским (см. его дневниковые записи, заметки, афоризмы). «Русский народ», – писал Соловьев, – «не отстал по своему развитию от других европейских народов, а только запоздал на два века, благодаря тем неблагоприятным условиям, которые окружали его со всех сторон до самого Петра»⁴. По Соловьеву, Россия принадлежит к единой христианской цивилизации, а потому запоздание с переходом в пору зрелости не отменяло общности судеб Рос-

⁴ Соловьев С. Сочинения. Кн. XIX. М. 1995. С. 18–19.

сии и Европы. Однако, как оказалось, проблема «Россия – Запад» гораздо сложнее, чем представлялось Соловьеву. Ученик Соловьева Ключевский начал осознавать особый характер движения отставшей страны вслед за развитыми. «Закон жизни отсталых государств или народов среди опередивших: нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает до реформы», – записывает Ключевский в дневнике в январе 1911 г. – «Необходимость ускоренного движения вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро»⁵. «Перенимание чужого наскоро» историк иллюстрировал реформами Петра I и Александра II. «Наскоро» означало для Ключевского «низшую форму государства» и отсутствие права в русской жизни, беззаконие при невероятном обилии законов и многое другое. Как показала дальнейшая история, движение вперед путем государственного насаждения некоторых отраслей экономически в ущерб остальным, в ущерб народному хозяйству страны в целом оказалось характерным для всей общественной эволюции России.

Прежде всего отметим: концепция «запоздалого» или «догоняющего» развития исходит из факта, ярче всего обнаружившегося в конце XIX в., – *асинхронности* капиталистической эволюции в разных регионах мира, проявившейся не только в различии по срокам и темпам, но и в изменении формы, характера этой эволюции. Историческая среда – международные отношения, экономические связи, обмен культурными ценностями и т. д. – оказалась отнюдь не фоном, но активной силой, воздействующей на общественное развитие стран второго (третьего) эшелона капитализма, а иногда моментом и фактором «выбора» их исторического пути (как это произошло в России). Разумеется, переработка достижений стран, ушедших вперед, происходит по-разному, в соответствии с потребностями и особенностями страны, которая усваивает опыт передовых народов. В России она происходила путем насаждения властью некоторых элементов экономического прогресса, которые в Европе были завоеваны на принципиально иной, буржуазной, социальной почве, а у нас накладывались на отсталые, крепостнические и полукрепостнические политические и общественные отношения. В результате такого рода заимствования новое царское самодержавие приобретало возможность продлить на время и даже отчасти укрепить свое господство над обществом. Но в исторической перспективе подобный тип буржуазной эволюции привел к революционному взрыву, что и произошло в 1917 г.

Концепция «догоняющего» развития отнюдь не является ключом к пониманию всех проблем истории России. Но она, думается, фиксирует одну из важнейших черт российского исторического процесса – движение, так сказать, по «перевернутой» схеме: *сначала* инициатива власти, диктуемая прежде всего геополитическими соображениями, а не потребностями социального и экономического развития страны, *затем* преобразование социально-экономических отношений с помощью рычагов

⁵ Ключевский В. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М. 1968. С. 318.

самодержавного государства на почве и в пределах данного строя. Такая форма модернизации страны далеко не оптимальна, более того, в экономическом отношении она максимально затратна, связана с возникновением серьезных социальных противоречий. Отсюда проблема «мнимой цивилизации», «мнимого европеизма», с одной стороны, и «подлинной» «всеобщей» цивилизации, – с другой, которая сопровождает все историческое развитие России в XIX в., да и, пожалуй, в XX в.

Петр I не просто прорубил «окно в Европу» для России, он задал своеобразную матрицу прогрессивного движения страны. А. И. Герцен и назвал ее «петроградизмом», а мы – «самодержавной модернизацией», «догоняющим» развитием. Именно с Петра начинается специфически русский способ «европеизации» России, когда власть, ломая прежний уклад жизни населения, «искусственно» *насаждает* новые, хотя бы по форме сообразные с западными канонами формы отношений в обществе и экономике. Интересы развития страны при этом вырываются из сферы самостоятельности общества (власть лучше знает, что стране необходимо) и противопоставляется в качестве предметов правительственной деятельности. Менялись «формации», системы, режимы, но административно-принудительный характер модернизации страны оставался прежним.

В основе подобного движения по «перевернутой» схеме, когда на роль субъекта модернизации выдвигается государственная власть, лежит слабость, неразвитость общественных сил, чьи интересы совпадали с переменами, вынужденный, недобровольный характер реформ (иногда под угрозой национальной катастрофы), наконец, политическая пассивность основной массы населения. Но этого мало. На протяжении трех последних столетий (XVIII–XX вв.) потребность в реформах была обусловлена воздействием сил европейского (в конце XX века – и мирового) масштаба, причем складывалась она, как правило, раньше, чем народ, российское общество поднимались до осознания необходимости этого. Вот почему «верхи», власть, правительственные круги, а не «низы», общество, народ, оказывались на высоте исторической задачи. Лишь в ходе перемен, на их основе происходило «сцепление» преобразований с интересами определенных социальных слоев. И не случайно все радикальные реформы, проводимые «сверху», связаны с громадными бедствиями для народных масс. Государство, присвоившее себе право вести народ, еще не готовый к самостоятельному выбору, по пути «прогресса» (даже демократического), способно это сделать только в интересах господствующих групп, с которыми оно было связано, и с помощью принуждения.

Все это придавало российскому самодержавию особый характер, отличный от европейского абсолютизма. Вообще говоря, оно было не государством в собственном смысле слова, а своеобразным «социумом власти» (М. Гефтер), стягивающим огромную сумму частных интересов и лиц и управляющим страной с помощью неповоротливого бюрократического механизма. Предпосылкой его существования явля-

лись (и являются до сих пор) слабость гражданского общества, рыхлость и бесформенность действительного общественного организма, беспомощность и несамостоятельность общественных движений «снизу». Вот почему перемены, которые российская власть вынуждена была проводить под давлением обстоятельств (отмена крепостного права с 1861 г.) или под натиском народной стихии (наделение крестьян землей после победы Октябрьской революции), усиливали эту власть. Будучи душеприказчицей несостоявшихся и состоявшихся революций, она приобретала плацдарм для осуществления далеко идущих перемен в социальной и экономической жизни.

Разрабатываемая нами концепция фиксирует в числе прочего тот факт, что российский капитализм как явление общенациональной жизни начинается не с мануфактурной стадии, как в Западной Европе, а сразу с фазы крупнопромышленного капитализма и свойственной ей «европейской» группировки классовых сил. Крупная промышленность на Западе была итогом длительного развития буржуазной цивилизации. В России же крупное капиталистическое производство явилось результатом «революции сверху» и политики «искусственного» (Энгельс) насаждения царизмом новейших капиталистических форм. Пропуск этапов, ступеней, свойственных «классическому» буржуазному развитию, оказался не безразличным для капиталистической эволюции России: он трансформировал тип капиталистической эволюции. В то время как в городе (в промышленных центрах) совершался буржуазный социально-экономический переворот, деревня оставалась отсталой, полукрепостнической, где господствовали отработочное хозяйство и кабальная аренда. Это совмещение в пределах одной системы зрелых форм капитализма и диких пережитков крепостничества определило весь ход буржуазного развития России во второй половине XIX – начале XX вв., а также и характер противоречий и проблем этого развития.

Исходным пунктом оценки российской ситуации становится, таким образом, не вопрос, насколько развит был капитализм в пореформенную эпоху, какие сферы народного хозяйства подверглись его экономической экспансии, а проблема формирования *основных внутренних предпосылок* буржуазной эволюции страны, где уже возник и развивался современный крупнопромышленный капитализм, но еще не сложились многие из основных условий капитализма «свободной конкуренции». Город и деревня являли собой разительный контраст. В отличие от города, где совершалась буквально социальная революция, в российской деревне, где проживало большинство населения, отсутствовали многие из основных условий буржуазного развития. Если часть (небольшая) зажиточных крестьян переходила к фермерскому хозяйствованию, то большинство населения в деревне застряло на стадии разорения, пауперизации.

Капитализм России после реформы получил стимулы к развитию. Строительство железных дорог гигантски расширило сферу товарно-денежных отношений. Но вот парадокс, свойственный российскому буржуазному развитию: буржуазный прогресс

весьма мало затрагивал деревню. «Крестьянин был весь в долгах, продавая хлеб сверх всякой продовольственной нормы, однако в подавляющей массе его хозяйство – с точки зрения внутренней структуры, внутренних отношений – оставалось патриархальным, натуральным. Подстегиваемый извне капитализмом, процесс втягивания крестьянства в товарное обращение резко опережал (масштабом, сроками) переход к товарному производству»⁶. Иными словами, однотипность буржуазной эволюции России с западноевропейской (и там и там развивался капитализм) отнюдь не означала их тождества: различие уровней развития капитализма в промышленности и земледелии, свойственное всем странам, выступало в России в специфической форме несовпадения, – и по времени, и по существу, – промышленной революции и социального переворота в деревне.

Об особенностях и характере общественно-экономического развития России размышляли Маркс и Энгельс, причем их точки зрения на предмет не всегда совпадали. Для Маркса как критика буржуазной политической экономики и создателя материалистического понимания истории российский прецедент означал, что открытый им на западноевропейском материале закон «естественноисторического развития» обрел более широкие рамки не только в пространственном, но и в сущностном смысле, рамки, которые еще предстояло определить и осмыслить. «...Возникновение сети железных дорог в ведущих странах капитализма», – отмечал Маркс в письме к Н. Ф. Даниельсону, – «поощряло и даже вынуждало государства, в которых капитализм захватывал только незначительный верхний слой общества, к внезапному созданию и расширению их капиталистической надстройки в размерах, совершенно непропорциональных остову общественного здания, где великое дело производства продолжало осуществляться в унаследованных исторических формах»⁷. То, что российский капитализм интенсивно – по меркам XIX в. – развивался, обрекая на гибель все прежние уклады, в первую очередь крестьянский, не вызывает сомнений у Маркса. Проблема заключалась для него в другом: как долго удастся этому капитализму, сразу вставшему на крупнопромышленную основу, опирающемуся на современные средства сообщения, на акционерные компании, двигаться вперед, развиваться, не революционизируя традиционного способа производства в деревне. Ответа на этот вопрос у Маркса разумеется, не было. В одном только он уверен: «финансовая, торговая и промышленная надстройка» не может бесконечно увеличиваться, не подвергая опасности все общественное здание в целом. Противоречие «вершин» капитализма

⁶ Гефтер М. Я. Многоукладность – характеристика целого. // Вопросы истории капитализма России. Проблема многоукладности. Свердловск. 1972. С. 290-291.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 34. С. 279.

его «основанию», обостряющееся по мере буржуазного развития, неизбежно подвело страну к революционной катастрофе.

Любой капитализм, где бы он ни возник, предопределяет разорение непосредственных производителей («экспроприацию народных масс», по Марксу). Но это разорение может быть выражением общего прогресса страны на капиталистическом пути, как это происходило, например, в США, а может быть, как в России, средством создания капитализма за счет крестьянского населения в интересах господствующего класса. В последнем случае проникавшее в старые социальные отношения буржуазное содержание не сглаживало в этом случае противоречия между капиталистической эволюцией страны и отсталыми способами производства в сельском хозяйстве, а наоборот, обостряло их, добавляя к варварству крепостничества все пороки капиталистического развития. О России XIX – начала XX вв. можно было бы сказать то же самое, что тот же Маркс говорил о Германии: «она разделяла страдания этого развития, не разделяя его радостей, его частичного удовлетворения»⁸.

Таким образом, проблема России во второй половине XIX в. заключалась, по Марксу, в следующем. Крестьянская революция, считал Маркс, более чем вероятна. За это ручается острота социально-экономического кризиса и невозможность разрешить его обычными буржуазными средствами (как это было в Западной Европе), направляя страсти в «спокойное парламентское русло». Независимо от того, кто и как начнет перемены, крестьяне, уверен он, развернут ее дальше и выведут за пределы первой фазы преобразований. За «русским 1789 годом» последует «русский 1793 год». Содержание исторической работы, которое пришлось бы в этом случае проделать, совпало бы с основным направлением экономической эволюции XIX в., однако историческая форма этой работы, – глубина, размах преобразований, степень вовлечения в политическую жизнь широких народных масс, – существенно отличалась бы от буржуазного прогресса, как он обрисовался в России после 1861 г.

* * *

Общественно-экономическое и политическое развитие России в начале XX в. подтвердило прогноз Маркса относительно реальности крестьянской революции, но не оставило проблему в прежнем виде, переведя ее на иную почву, сделав необходимостью соединение аграрного переворота с пролетарской, точнее, пролетарски-крестьянской революцией. Именно эта особенность социально-экономического прогресса России разведет марксиста Г. В. Плеханова с марксистом В. И. Лениным и положит начало расколу РСДРП на меньшевиков и большевиков.

В самом деле. Признать социально-прогрессивной борьбу крестьянства за землю в условиях *развивающегося капитализма* в стране казалось Плеханову теоретиче-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 424.

ски невозможным. Европейский прецедент этому полностью противоречил. К тому же Плеханову как марксисту были чужды всякие попытки искать революционное решение российских проблем на ином пути, чем тот, который создавался капиталистическим развитием. Крестьянскую борьбу против помещичьих латифундий, частью уже буржуазных, он относил к прошлому России, с которым должна была разбираться буржуазия, а не рабочий класс. К тому же вмешиваться в эту борьбу означало для него пытаться вносить поправки в объективный ход экономической эволюции буржуазного общества, что, как он был уверен, несовместимо марксизмом. Воспользоваться борьбой крестьян за землю социал-демократия может и должна, но поддерживать ее, а тем более участвовать в ней, – это дело не рабочего класса, а мелкой буржуазии и народнических партий. Коренную идею марксизма – рабочий класс может освободить себя, лишь освободив все общество, – меньшевики относили лишь к заключительному этапу освободительной борьбы рабочего класса, к моменту полной победы пролетарской социалистической революции.

Иной позиции придерживался Ленин. Для него крестьянская борьба за землю выступала способом радикального вытеснения из экономической, социальной и политической жизни России остатков крепостнического прошлого. Для судеб социализма далеко не безразлично, кто построит новую Россию – пролетариат, ведущий за собой крестьянство, или помещики и буржуазия, направляемые либералами. Ленинская позиция в отношении крестьянства основывалась на противопоставлении двух путей буржуазного аграрного развития – прусско-юнкерского, обрекавшего мужика «на муки затаянного, ужасающего своей длительностью вымирания голодной смертью»⁹, и «американского», революционно-демократического, способного превратить русского крестьянина в буржуазного фермера. Если меньшевики ориентировались на постепенное и «естественное» превращение полукрепостнической зависимости в буржуазную в ходе экономической эволюции, то для большевиков условием и фактором такого превращения способна стать победа крестьянской (разумеется, буржуазной) революции с пролетариатом в качестве вождя. Словом, за разногласиями в российской социал-демократии стояло существенно разное понимание формата (характера, движущих сил, размаха) Русской революции. «Городская революция» европейского типа – блок пролетариата с буржуазными элементами («городской демократией», как тогда выражались) – или пролетарски-крестьянская революция? Буржуазно-помещичий тип аграрного развития страны или тоже буржуазный, но крестьянски-фермерский тип? Должна ли Русская революция, как большинство буржуазных революций в Европе, ограничиться свержением царизма и демократизацией политического строя, или ей суждено уничтожить весь старый, полукрепостнический социальный строй России, стать социально-демократической (конечно, тоже буржуазной)? Нако-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 6. С. 317.

нец, союз с буржуазными партиями, кадетами прежде всего, или «левый блок» (социал-демократы плюс народнические партии)?

Революция 1905–1907 гг. в общем и целом не дала однозначного ответа на эти вопросы. Пик «городской революции» пришелся на конец 1905 г., когда царизм вынужден был пойти на политические уступки. В то же время крестьянские волнения в стране пришлось на 1906–1907 гг., т.е. на тот период, когда город «осваивал» практику выборов в Государственную Думу. Поэтому руководящая роль пролетарской партии в крестьянских восстаниях оказалась практически нулевой. То же самое можно сказать о «левом блоке», который на практике вынуждены были признать и меньшевики, но который не оправдал возлагавшихся на него большевиками надежд. Правда, существовало одно обстоятельство, которое вынуждены были учитывать все российские социал-демократы, – огромное, а для Ленина и решающее, значение аграрного вопроса в Русской революции. Однако и здесь аграрные программы большевиков и меньшевиков кардинально различались.

Первая мировая война, в которую оказалась втянутой и Россия, прибавила к разногласиям по аграрному вопросу вопрос о путях достижения мира «без аннексий и контрибуций», а также обострившуюся в связи с войной национальную проблему. Отныне в понятие «социального переворота» в России, кроме аграрного вопроса, борьбы против самодержавия, втянувшего страну в войну, входят право наций на самоопределение вплоть до отделения, идея превращения «империалистической войны в гражданскую» и т. п. Февральская революция 1917 г., ниспровергнувшая самодержавие, обеспечила широкую политическую демократию в России. Но, осуществив все требования демократических партий, Временное правительство – сначала буржуазное, затем эсеро-меньшевистское – не решалось подступиться к двум главным для народа России вопросам – о мире и о земле. (Точнее, оно откладывало их решение до созыва Учредительного Собрания.) За этим откладыванием стояла не просто ошибка, ставшая в революционных условиях роковой. За ним стояли и политические соображения. Сепаратный мир с Германией означал бы разрыв со странами Антанты, поддержка же мужика в его борьбе за землю привела бы к разрыву с буржуазией, что в буржуазной революции, как ее понимали правые эсеры и меньшевики, было недопустимо из-за неминуемого наступления анархии. Сверх того, за этим скрывалось непонимание характера Русской революции и главного ее движителя – борьбы крестьян за земельное переустройство.

В условиях глубокого кризиса, порожденного войной и революцией, в России впервые возникли условия для осуществления политической гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству. Однако теперь эта гегемония связывается Лениным уже с ниспровержением власти буржуазии, т.е., по марксистским канонам, с социалистическим переворотом. Отсюда неожиданный даже для многих большевиков курс Ленина на социалистическую революцию, сформулированный им в «Апрельских те-

зисах». То, что раньше связывалось с революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, становилось непосредственной задачей пролетарского переворота, а социализм из отдаленной цели, казалось, превращался в лозунг непосредственного практического действия.

В истории не бывает ни абсолютно истинных решений, ни абсолютно ложных. Призывая к социалистической революции в стране «средне-слабого» развития капитализма с преобладающим крестьянским населением, Ленин адекватно отвечал на *непосредственные* вызовы ситуации второй половины 1917 г. Кризис власти, продовольственный кризис, корниловский мятеж, надвигавшийся хаос и т. п. подвигали страну к катастрофе, предотвратить которую можно было, лишь свергнув власть Временного правительства. Однако, выдвигая лозунг социалистической революции, реальным содержанием которой на тот момент могло быть только свержение буржуазной власти и правительство большевиков и левых эсеров, Ленин тогда вряд ли осознавал сколько-нибудь отчетливо, что социалистическая революция – не однажды осуществленный выбор, а целая цепь трудных выборов и поворотов в политике, не прогнозируемых никакой, даже самой научной теорией. Политический переворот под знаменем социализма превратился, вернее, был превращен ходом революции в социальный (хотя в другом смысле, нежели предполагали марксисты) *сдвиг*, в итоге – в пролог целой эпохи под названием «военный коммунизм». Но, главное, он детонировал взрывные процессы многовековой давности. Здесь и стихия взаимного отторжения социальных групп, ведущая свое начало от характера российской истории, и вырвавшийся на поверхность общественной жизни антагонизм «черной» и «белой» кости, «барина» и «мужика», и анархический способ властвования, когда народная стихия прямо определяла действия институтов власти, и захват рабочими предприятий (вместо намеченного рабочего контроля), и неукротимая жажда справедливости впервые раскрепощенных людей и т. п. Все это очень трудно назвать социалистической революцией. Вот почему важно не забывать, что надежда Ленина на успех *социалистического* переворота в России была связана с приближавшейся, как он думал, европейской пролетарской революцией и превращением благодаря этому России в «отсталую социалистическую страну». Но революция эта в итоге не наступила. Зато Россия после Октябрьского переворота оказалась свергнутой в пучину тяжелейшей гражданской войны, из которой большевистская партия выйдет существенно изменившейся в политическом отношении.

Спустя несколько лет после ее окончания антибуржуазная утопия Октября станет – парадокс нашей революции – основным препятствием на пути НЭПа, политики союза с крестьянством, развития рынка и товарного производства, а позже – оправданием тотального насилия против крестьянства. Ленин тогда начнет осознавать, – к сожалению, только начнет, не более того, – насколько губительным для России является отождествление «социалистического» с отрицанием всего «буржуазного»

(способов хозяйствования, управления страной, буржуазной культуры и т. п.) и поставит вопрос о переосмыслении перспективы, созданной октябрьским переворотом. Он поймет, что яковински-революционная модель «перехода к социализму» должна быть срочно, под угрозой провала «дела Октября», преобразована в модель социалистического реформизма. Речь у него пойдет о том, чтобы постепенно, шаг за шагом продвигаться вперед, учиться у буржуазии вести дела, завоевывать в экономике, общественной жизни, в области культуры одну позицию за другой, делая завоеванное плацдармом для дальнейшего продвижения. Короче, установку на «непримиримую классовую борьбу» РКП(б) пришлось сменить на политику «исторического компромисса», как много позже, спустя десятилетия, выразится П. Тольятти.

Оказалось, что от движения, понимаемого как достижение социальной однородности за счет роста крупной промышленности в экономике и рабочего класса в общественной жизни, России предстояло совершить переход к совершенно новому, неизвестному социалистам пути общественного развития – к сосуществованию разных экономических укладов в условиях рыночного хозяйства при регулирующей роли пролетарского государства. Разнообразие культуры и форм хозяйствования становилось бы в этом случае фундаментальной нормой и условием социального общежития народов России. В годы НЭПа со всей очевидностью обнаружилось, что союз рабочего класса и крестьянства, позволивший большевикам победить в гражданской войне, должен трансформироваться в нечто более высокое, чем подчинение деревни революционной власти пролетариата, что этот союз, как любой другой, предполагает уступки с обеих сторон, постоянно обновляемый компромисс по ряду важнейших вопросов политики и экономики. Короче, ход событий показал, что *продолжение* «дела Октября» невозможно без отказа от яковински-революционных мер и политической практики Октября.

Но именно *такое* представление об Октябре и *такая* перспектива вошли в противоречие с военно-коммунистическими убеждениями большинства членов большевистской партии, а также значительной части рабочих и крестьянской бедноты. Они были уверены, что партия, разгромив буржуазию на фронтах гражданской войны, по-прежнему должна действовать во имя социализма «по-революционному», т. е. применять насилие при всех обстоятельствах и во всех областях общественной жизни. Как и раньше, они связывали пути к социализму с ликвидацией (в прямом, непосредственном смысле, с помощью насилия) классов, с безраздельным господством в социально-политической жизни пролетарски-плебейских элементов. Сосуществование экономических укладов в условиях рынка, повышение агрокультуры в деревне благодаря разносторонней помощи со стороны государства, постепенное и обязательно добровольное кооперирование крестьянства, цивилизаторская работа с азов, заново открываемых азов, поиск единства основных классов российского общества, которое бы считалось со старыми и новыми различиями, – все эти составляющие

нового курса, открывшиеся Ленину в начале 20-х гг. XX в., оказались чуждыми сталинскому руководству и большей части рядовых членов партии – ведь не зря же в Октябре и гражданской войне они шли в «последний и решительный бой». НЭП поэтому казался им временной передышкой, вынужденным отказом от революционных методов, своего рода перегруппировкой сил, но отнюдь не стратегическим курсом партии «всерьез и надолго», к чему в конце своей жизни пришел Ленин. Вожди РКП(б) и партийная интеллигенция придерживались идей и требований теории научного социализма Маркса и Энгельса, не осознавая, что цели и идеология социализма в России вытекали скорее из понимания социал-демократией общих результатов общественного и политического движения в мире, чем из налично данных условий производства и обмена в стране. А это означало, что преимущества социалистической политики как современного способа управления страной и ведения дел предстояло еще доказать на практике, развивая производство на основе рынка, организуя по-новому экономическую жизнь страны, отношения в обществе и культуре.

После гражданской войны в России (СССР) сложилась оригинальная ситуация, отличавшаяся от всех известных европейской истории прецедентов: государственная власть находилась в руках пролетарской, большевистской партии, в то время как задачи, стоявшие перед ней, носили буржуазно-цивилизационный характер. Сегодня этим никого не удивишь: огромный Китай идет этим путем. Однако тогда, в 20-х – 30-х гг. XX в., признать этот факт, а тем более наметить пути движения страны, сообразные изменившимся условиям, политическому руководству большевистской партии оказалось не под силу. Как и раньше, большевики склонны были рассматривать рабочий класс, партию в качестве единственной руководящей группы, не принимая в расчет того, что экономическая модернизация страны, а тем более «строительство социализма» коренным образом меняют социальную обстановку, расклад сил и требуют новых, отличных от привычных, политических решений. Как и раньше, коммунистическая партия-государство заменяла собой в политической жизни все общество. Недостаточность (а порой и отсутствие) исторических предпосылок для перехода к социализму в России компенсировалась форсированной индустриализацией, ради которой жертвовали буквально всем, насильственной, с высылкой в Сибирь целого слоя крестьян, «коллективизацией деревни», бюрократизацией всей общественной жизни, преследованием всех инакомыслящих. Отсюда «обострение классово-борьбы» в стране, колоссальный рост карательных функций государства, формирование в партии слоя людей, для которых всякое сопротивление установкам ВКП(б), даже если это было нежелание крестьян-середняков вступать в колхоз или оппозиция инженерной интеллигенции невежественным директивам партийных директоров, выступало как «вредительство», как угроза реставрации буржуазных порядков. Отсюда же репрессии в отношении всех элементов в партии и обществе, критиковавших курс на форсированную индустриализацию или, как крестьянство, сопротивлявшихся кол-

лективизации, недоверие ко всем «классово-чуждым» группам населения, подозрительность к думающим иначе, возведенные в ранг политики. Для большинства членов большевистской партии и части рабочего класса социализм ограничивался идеалом бесклассового общества, который надо было осуществить, несмотря ни на какие жертвы, состоянием, «которое должны быть установлено» вопреки всему и всем, а не действительным движением, которое «уничтожает теперешнее состояние», как представлял его себе Маркс.

По-иному думал Ленин. Констатируя различие интересов крестьянства и городского пролетариата («мелкий земледелец не хочет того, что хочет рабочий»), он, тем не менее, не уставал подчеркивать, что эти несовпадающие интересы «в равной степени заслуживают удовлетворения». Вместо призывов к «решительности», к жесткости по отношению к «врагам социализма» в его лексиконе в годы НЭПа все чаще появляются такие понятия, как «компромисс», «уступки», «уступчивость», «постепенство и реформизм», «оживление предпринимательства» и т. п. Более того, Ленин призывает «сомкнуться с крестьянской массой, и *вместе с ней* (курсив мой – И.П.), в сто раз медленнее, но зато твердо и неуклонно идти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед. Тогда наше дело будет абсолютно непобедимо, и никакие силы в мире нас не победят»¹⁰. Конечно, это общая реалистическая политическая линия, а отнюдь не формула перехода к социализму (хотя Ленин представлял ее именно как формулу такого перехода). Наличие крупнопромышленного, а после революции – государственного уклада давало возможность пролетарской власти *синхронизировать* разные уклады экономического развития. Именно синхронизировать, а не подавлять разные уклады во имя одного-единственного, даже считавшегося в марксизме самым передовым, прогрессивным. В отличие от периода революции и гражданской войны, решающее значение приобретала *социальная форма* исторического движения, связанная не только с экономикой, но и с культурой, политикой, самоизменением народа и новой власти.

Согласимся, вслед за Ю. Буртиным, что такое осмысление НЭПа потребовало от Ленина «мировоззренческого переворота». Когда-то Э. Бернштейн писал о том, что социал-демократии необходимо мужество, «чтобы освободиться от устарелой фразеологии и казаться тем, что она есть в действительности, партией демократических и социалистических реформ»¹¹. Это было сказано в условиях политического господства буржуазии в странах Европы и поэтому встретило отпор со стороны большинства революционно настроенных элементов во II Интернационале, в том числе и РСДРП. Но теперь, когда революция победила в России и пролетарская партия находилась у кормила власти, проблема продвижения страны вперед с помощью «де-

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 78.

¹¹ Бернштейн Э. Социальные проблемы. 1889. С. 372.

мократических и социалистических реформ» встала перед РКП(б) во весь рост. Но именно в это время обнаружилось, что ни «мужества» идти реформистским путем, отвоевывая одну позицию за другой, ни сколько-нибудь разработанной концепции гегемонии пролетариата у большевиков не было. То, что говорил Маркс, анализируя опыт Парижской Коммуны, с чем российские коммунисты вступили в революцию, оказалось в условиях России прикрытием совсем другой практики. Не следует забывать, что Коммуна была непродолжительным опытом управления жизнью одного города, пусть крупного, но одного, распространить который на всю Францию, а тем более на крестьянскую Россию, вообще говоря, невозможно. К тому же политическая культура французских рабочих существенно отличалась от российской. В этом смысле Советы («государство типа Коммуны», по Ленину), особенно если учесть происшедшие в них изменения в ходе гражданской войны («главкизм»), а также исторически сложившаяся в России государственническую традицию, политическую культуру населения, абсолютно не годились в качестве формы управления.

Каким должно быть это новое государство, кто и как будет представлять интересы рабочих, крестьянства, интеллигенции, интересы разных этносов, населявших Россию, – на эти вопросы у большевистского руководства не было ответов. Не было этих ответов и у Ленина. И все-таки его точка зрения на будущее существенно отличалась в положительную сторону от воззрений его соратников. Главное, он понимал, что продвижение к социализму не может быть делом одного только «социалистического пролетариата», как тогда выражались, без вовлечения в строительство новой России всего народа или по крайней мере подавляющего большинства его. Ленин, конечно, был еще далек от признания того, что результатом коммунистической революции в России должно стать рождение нового общества с производительным неравенством и цивилизующей государственностью социалистического толка на базе регулируемой капиталистической экономики (феномен, который до сих пор не получил адекватного названия). Но одно ему было ясно и не вызывало сомнений: следовало срочно поставить предел революционной экспансии и столь же срочно учиться овладевать достижениями мировой цивилизации. Короче, как всякая революция, мировая по проекту, по зачину, – Октябрьская революция должна была *перемениться изнутри*. Перемена изнутри (термидоризация или «самотермидоризация») представляет собой, по-видимому, закон всех таких революций. В противном случае революция оборачивается якобинским (а в России тоталитарным) террором против собственного народа и платит сотнями тысяч, если не миллионами, человеческих жертв. Конечно, за тоталитарным перерождением Русской революции стояли вековая российская традиция подавления властью гражданского общества, низкая политическая культура трудящихся масс, бюрократический характер российской государственной машины, кризис «социализма XIX в.», бонапартистские амбиции Сталина, неумение хозяйствовать и т. п. Но главное, думается, заключалось в другом. Россий-

ское общество, как и всякое другое, оказалось несводимым к одному, общему социалистическому знаменателю. Эта несводимость, коль скоро ее не захотели признать, обернулась колоссальными издержками при становлении нового, якобы социалистического, жизнеустройства. Русская революция, думается, доказала, что социализм, как и капитализм, не могут в одиночку стать единственностью мира, их удел в современных условиях – развиваться, заимствуя наработанное друг у друга.

* * *

После всего сказанного попытаемся сформулировать наше понимание Русской революции в нескольких тезисах.

1. Драма российской политической истории, проявившаяся особенно рельефно в Русской революции, заключается, в числе прочего, по мнению автора, в том, что социально ориентированный и в этом смысле демократический импульс, с одной стороны, и либеральный – с другой, вместо того, чтобы дополнять друг друга, как это было в США и странах Западной Европы, вошли в ожесточенное столкновение, сначала идеологическое, политическое, а затем и в военное. Невозможность объединения или хотя бы взаимопонимания этих враждующих тенденций деформировала и демократическую, и либеральную идеологию в России. Народники, начиная с Герцена, и вслед за ними большевики не уставали доказывать ограниченность и даже лживый характер буржуазных политических свобод, а либералы из «образованного общества» сторонились демократизма с социальной окраской, усматривая в нем главную опасность свободе и правам личности. В результате демократизм в России все больше принимал плебейски-разрушительный характер, а либерализм вынужден был сблизиться с охранительной тенденцией, поддерживая «рациональные» действия самодержавной власти. «Вехи» впервые зафиксировали эту драматическую ситуацию, но их не поняли ни «слева», ни «справа».

Раздвоение единого ценностного и политического пространства губительно сказались и на либеральной идеологии, и на взглядах социальных демократов. Демократы-народники вынуждены были идеализировать крестьянскую, а большевики – плебейски-пролетарскую массу, приписывая ей, согласно западноевропейским социалистическим канонам, все мыслимые социальные добродетели (коллективистский дух, революционную самостоятельность, освободительную миссию и т. п.). И все это – в стране, где большинство составляли традиционалистски настроенные крестьянские массы, едва затронутые буржуазной цивилизацией, а рабочий класс европейского типа был в общей массе городского плебса исчезающее малой величиной, где среди большинства населения господствовала патриархальная культура. В свою очередь, консервативное осуждение масс, боязнь «черни» (т. е. фактически народа) обрекали российских либералов, включая и либералов новой формации начала XX в., на политическую изоляцию, а их идеологию – на утрату освободительного ас-

пекта, на примирение с самодержавием против демократического революционаризма. В результате доктрина, служившая на Западе ярким символом свободы и прогресса, долгое время несла на себе в России клеймо охранительной, консервативной идеологии. Конечно, можно восхищаться интеллектуальным мужеством людей, которые не желали раболепствовать перед темной, неразвитой массой, но в политике нежелание и неспособность понять свой народ, каким бы он ни был, грозят крахом.

К сказанному следует добавить фактор первой мировой войны и результат ее – революционный кризис 1917 г. Революция, а затем гражданская война отодвинули демократическую и либеральную тенденции на задний план. Социальный взрыв октября 1917 г. сломал прежнее политическое равновесие, вывел на арену массовые силы, интересы, поведение, психология которых, как оказалось, разительно отличались от представлений либералов и даже демократов социалистической направленности. Все промежуточные формы противоборствующих идеологий ступешиваются, уходят в небытие. На политической (военной) арене остаются крайние, полярные силы. В России ими оказались: на одном полюсе большевики, сфокусировавшие в своих лозунгах требования городских рабочих и, главное угнетенной крестьянской массы, на другом – коалиция «белых», выступившая за «единую и неделимую Россию» (в основном под эгидой монархии). Гражданская война, носившая необычайно ожесточенный характер, закончилась победой большевиков, сумевших привлечь на свою сторону, где посулами, где демагогией, плебейские элементы города и деревни, организовать якобинскую «диктатуру пролетариата» – жестко централизованную деспотическую власть, а также регулярную армию, с помощью которой были разбиты белые армии, равно как и стихийные народные выступления, был ниспровергнут старый общественный порядок.

В разгар российского «1793 года» большевикам пришлось спасать не свободу и демократию, а само существование российского общества и его культуру. Как никогда, в период революции проявились результаты многовековой работы самодержавия по искоренению всяких следов внутренней демократии в русском народе, чувства собственного достоинства в «простом человеке», работы по формированию менталитета русского простолюдина (рабочего, крестьянина, человека массы), чьими характерными чертами стали внутреннее ожесточение, слепая ненависть к богатым, к культурно продвинутым людям, наконец, отрицание закона и законности. Но, главное, в условиях гражданской войны драматическим образом угасло и так слабое у россиян чувство осознания свободы как ценности, равно как и демократического способа разрешения возникающих проблем. Впоследствии все это будет использовано сталинским руководством сначала для ограничения стихийной демократии, а затем и ее уничтожения: развязанная большевиками «классовая борьба» сельской бедноты против «кулаков» и крестьян-середняков ничего общего с инициативой народа не

имела. Гражданская война была продолжена, но теперь уже против собственного народа, во имя «социализма».

2. Русская революция, включая октябрьский перелом 1917 г., легитимируется автором не через социализм или переход к социализму (хотя действующие лица исторической драмы именно так ее осознали и обосновывали), а через вызовы Современности. Как глубоко и тонко подметил Б. Г. Капустин в своей работе «Современность как предмет политической теории»: «Современность «есть не еще одна» структура и характеристика общества, а проблема, причем проблема культурная, оборачивающаяся *центральной политической проблемой* тех обществ, которые с ней сталкиваются (как, скажем, Россия в XX в. – И.П.) и уже не могут от нее «укрыться»»¹². Слов нет, история России XX в. носит драматический характер. Срывы и тупики Русской революции, в том числе и коммунистический тоталитаризм, автор этой работы соотносит не просто с отходом России от якобы основной европейской магистрали прогресса, с перерывом поступательного развития, вызванным гигантской отрыжкой веков, а прежде всего и главным образом с мучительным поиском ответов – всегда разных, поскольку ситуации различны, – на вызовы и проблемы Современности в том виде, в котором они в то время выступали. И тогда от обличения злодеяний гражданской войны, тоталитаризма мы переходим к изучению причин, вызвавших их появление, возможных альтернатив большевистской революции (коль скоро они существовали в реальности), наконец, к анализу исторических последствий господства коммунистического режима.

Автор отдает себе отчет в том, что порывает с устойчивой традицией, закрепившейся в левой литературе, рассматривать Октябрьскую революцию как начало перехода мира к социализму. В особенности в советской литературе, якобы следовавшей строго научной традиции марксизма, Русская революция выводилась напрямую из развития капитализма в нашей стране, нараставших противоречий между буржуазией и пролетариатом в России (иначе ведь нельзя было объяснить Октябрьскую *социалистическую* революцию 1917 г.). При этом напрочь игнорировалось то, что «стаж» капитализма в России насчитывал всего несколько десятилетий, а главными вопросами Октябрьского (1917 г.) политического переворота были вопрос о мире и вопрос о земле, а отнюдь не «рабочий вопрос». Разумеется, капитализм, особенно международный, его противоречия входили в состав событий Русской революции – без них невозможно уяснить специфику революции. Но являлись ли они причиной революции и как они входили в революционные события России – вот проблемы, то или иное решение которых разделило в свое время исследователей. (Характерно, что нынешние противники коммунизма из лагеря либералов, консерваторов и монар-

¹² Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. М. 1998. С. 3.

хистов подхватили это утверждение левых и с упоением списывают на социализм все злодеяния сталинского режима.)

Думается, если и существовал в Русской революции собственно социалистический – по Марксу - компонент, то он ограничивался реально: а) нападением на частную собственность; б) участием в революции рабочего класса и других полупролетарских слоев населения, не более того. Речь могла идти в России только об одном – о *праве начать* решение исторической задачи рабочего класса, как она была сформулирована в марксизме. Только в этом смысле и в этих пределах. Октябрьская революция 1917 г. может быть признана социалистически ориентированным решением проблем и задач, вставших перед Россией. Что же касается уничтожения частной собственности и огосударствления средств производства в СССР, то к социализму они не имеют никакого отношения – ни подчиненного положения работника, ни развития его социальных качеств эти меры фактически не затрагивали¹³. В контексте же отношений современного капитализма они, как правило, служат средством (одним из средств) разрешения противоречий капиталистической экономики, своего рода «скорой помощью», которую оказывает власть буржуазному обществу.

3. Анализ и оценка Русской революции сегодня должны учитывать глубокие изменения, происшедшие во всемирной экономике, истории, начиная со второй половины XX в. Современность, как представляется, сделала капиталистическую формацию *многовариантной*, полюсы ее разошлись настолько, что черты капитализма, характерные для него в западноевропейском прошлом, оказались размытыми, неопределенными. То, что казалось в XIX – начале XX в. исторической миссией социализма, – рационализация производства, меры против прогрессирующего обнищания трудящихся, вмешательство государства в экономическую жизнь общества с целью регулирования и т. п., – стало условием развития капитализма на современной его стадии. С другой стороны, государства, позиционирующие себя как социалистические (например, нынешний Китай и др.), оказались вынужденными вводить у себя рынок и капиталистическое производство. Что касается «обобществления производства», то оно, его пределы, его мера определяются там прежде всего оптимизацией экономики, а не требованиями доктрины. В этой связи по-иному предстает такое событие, как Октябрьский политический переворот 1917 г. Проблема России в начале XX в. заключалась не в том, что капитализм якобы исчерпал ресурсы развития, – совсем напротив, он быстро рос и в стране, и на Западе, – а в невозможности преодолеть с помощью такого роста старые, идущие от российского крепостнического

¹³ Как писал Маркс, «частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов, потому что наличные формы общения производительные силы всесторонни, и только всесторонне раз-

прошлого, и новые, связанные с особенностями буржуазного развития, социальные диспропорции и антагонизмы. Прогресс в России, который не переставал быть *буржуазным по своему экономическому содержанию, оказался невозможным без взрыва буржуазной политической оболочки*. Создать условия для появления свободных земледельцев, завершить вековой спор миллионов крестьян с дворянской (и сросшейся с ней буржуазной) Россией стало исторической миссией пролетарско-крестьянской революции во главе с большевиками. Другое дело, что завоевать эти более высокие условия прогресса оказалось невозможным, не затронув в ходе революции как первичные, так и более развитые формы капитализма. (Отсюда «социалистическая» иллюзия *разрыва* с капитализмом, антирыночная, антикапиталистическая идеология и практика КПСС в 30-х - 80-х гг. XX в. Отсюда же неизбежность «демократической перестройки» в 90-х.). Переход после окончания гражданской войны на позиции, соответствовавшие экономическим и культурным предпосылкам, существовавшим в России, обнажил это внутреннее противоречие Октябрьской революции и заставил Ленина и большевистское руководство признать, – к сожалению, только на время, – неизбежность рынка и товарно-денежных отношений, но теперь уже под началом пролетарской власти.

Парадоксально, но факт: Октябрьская революция в России с помощью антибуржуазных мер раздвинула *пределы возможного*, а как оказалось, и исторически *необходимого* для капитализма. (Не в этом ли состоит всемирно-историческое значение Русской революции?) Государственное вмешательство в «свободную» рыночную экономику, для которого в России потребовалось свержение политической власти помещиков и буржуазии, оказалось предпосылкой обновления капитализма и строительства современной цивилизации, еще не социалистической, но уже и не буржуазной в старом смысле этого слова. Другое дело, что исторический прорыв Русской революции к Современности обернулся для нашей страны трагедией сталинского террора, господством бесчисленной бюрократии, односторонностью социального и экономического развития. В то время, как развитые капиталистические страны, утилизируя некоторые элементы социального прогресса, завоеванные в России на принципиально другой основе и в борьбе с буржуазией, строили современное общество (вспомним «Новый курс» Ф. Д. Рузвельта), советский народ ценой громадных усилий создавал военную сверхдержаву с монополией партии и государства во всех областях экономики, общественной жизни и культуры, с лагерями ГУЛАГа и т.п. Как это получилось, мы сегодня в состоянии понять, но преодолеть получается не всегда.

живающиеся индивиды могут их присвоить. т.е. превратить в свою свободную жизнедеятельность». (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 441).

* * *

Противоречия советского периода столь остры, столь громадны, что некоторым кажется, что развитие российского общества находится сегодня, спустя почти столетие после начала Русской революции, позади своего исходного пункта. Попраны надежды, растоптаны идеалы. Однако это – иллюзия, оптический обман. На деле наше общество впервые в своей истории начинает создавать себе исходный пункт для современного экономического и социального развития, формировать отношения и условия, при которых выбор народа в пользу свободы и социальной справедливости только и может принять серьезный характер.

Великую Французскую буржуазно-демократическую революцию конца XVIII в. продолжала вся Европа; ее идеи в XIX в. дали закуску освободительной мысли России, побуждая полемизировать с ними, идти дальше. А в это время Франция «раплачивалась за свой прорыв в будущее отставанием от тех, кто уходил вперед, превращая «свободу, равенство и братство» в технологию, в навыки машинного труда, в фабричное законодательство, в торжество крупного капитала и прогресс опытного знания»¹⁴. Не так ли дело обстоит и с Русской революцией? Она не оправдала (да и не могла оправдать) тех преувеличенных надежд, которые связывались с ее победой. Но она разрешила ряд вековых проблем российского общества, индустриализировала страну, произвела решающий культурный сдвиг в народе, стала фактором освобождения мира от колониального рабства. Эти последствия выявились с тем большей наглядностью, что государство, рожденное революцией, одержало в союзе с другими странами всемирно-историческую победу над германским фашизмом и японским милитаризмом. Результатом этой победы, в одних случаях непосредственным, в других – опосредованным, стало создание «социального государства» в странах Запада, пробуждение народов колоний и полуколоний, крах колониальной системы империализма в ее, так сказать, классическом виде.

Возникшая в результате горбачевской перестройки и событий августа 1991 и 1993 г.г. новая Россия, – *какая*, это еще будет определено историей, – вновь поставила на повестку дня общественного развития все те вопросы, которые Октябрьская революция либо не сумела решить в духе современной цивилизации, либо решала их, сообразуясь с ограниченными доктринами социализма XIX в. и преходящими историческими обстоятельствами. Экономика производительного неравенства, для которой форма собственности является делом не принципа, а практической целесообразности, рынок и конкуренция, развитие «низовой» демократии, цивилизованное и, главное, цивилизующее государство (непостижимое, пока власть принадлежит сросшейся с криминалом бюрократии), модель интегрального развития общества,

¹⁴ Гефтер М. Я. Из тех и этих. дет. М. 1991. С. 61.

которая была бы ориентирована на различия, на разные подходы, на несовпадающие традиции и обстоятельства, наконец, Россия, преодолевшая прежние «классические» социальные противостояния, Россия как мир в Мире миров – разве эти цели противоречат проекту, зачину Октября? Сегодня, спустя много лет, обогащенные трудным, порой трагическим опытом, мы знаем, что путь к реализации этих целей пролегает через нахождение – каждый раз заново и каждый раз при новых обстоятельствах – формулы единения разных политических сил, формулы социального компромисса. Нам, нынешним, пора уже распрощаться с матрицей «догоняющего» развития, которую не смогла превзойти Русская революция, когда прогресс, все равно – буржуазный или социалистический, достигается за счет полного уничтожения старого, за счет интересов определенных слоев и поляризации общественно-политических сил. Создание *другой* жизни не должно становиться катастрофой для *этой*. Только тогда Россия начнет правильно развиваться, работать вместе с другими странами над решением неотложных проблем современной цивилизации. Хотелось бы надеяться, что наше общество и российская власть усвоили этот исторический урок.